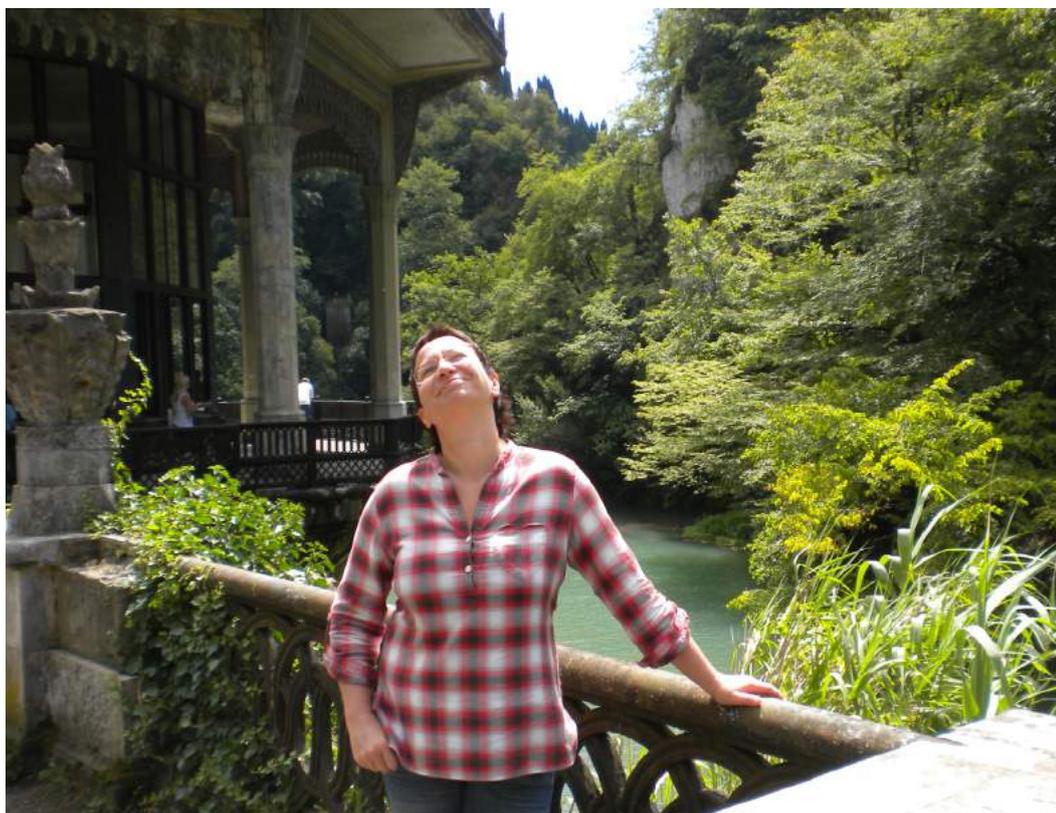

РИТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Вера Владимировна Котелевская
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: luga17@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основания и ключевые этапы развития риторического проекта второй половины XX – начала XXI веков. «Риторический проект» представляется подвижным комплексом идей, развиваемых в американской, европейской и российской гуманитаристике указанного периода в условиях кризиса традиционных описательных систем и в поисках нового универсального метаязыка. Риторика, унаследовавшая от античности и средневековой схоластики иерархическую систему терминов, позволяющих трактовать порождение, воздействие и рецепцию текстов различных стилей и жанров, выдвигается различными исследователями в качестве некоей всеобщей генеративной и герменевтической теории текстов. В американской университетской культуре риторика вступает в симбиоз с дисциплинами, обучающими практикам письма (composition, creative writing, computers and writing), методологически фундирует в рамках «риторического поворота» критику дискурсов, включая научный дискурс (rhetoric of science), а в 1990–2010 гг. становится инструментом систематизации опыта цифровой гуманитаристики (digital humanities). В европейской гуманитарной культуре 1960–1980 гг. внутри структурно-семиотической парадигмы развивается проект «неориторики», или «общей риторики», претендующей на роль интерпретативного языка всевозможных нарративов и медиа. Если в конце 1950–1960 гг. наблюдается тенденция к неопозитивистскому прочтению риторики как ресурса системно-объективирующего описания текстов, то в постструктуралистских штудиях риторический арсенал используется для деконструкции жанровых, стилевых, идеологических структур. В российской филологии риторика обнаруживает как свой культурно-типологический, так и, на современном этапе, методологический арсенал для критики дискурсов в рамках медиариторики и политической лингвистики. В статье раскрываются основные направления современных исследований риторики.

Ключевые слова: неориторика, нормативная поэтика, риторическая эпоха, риторический поворот, семиотика, цифровая гуманитаристика.

Аристотелевское определение риторики как «искусства», касающегося «предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки» [Аристотель, с. 15], уже содержало в себе методологическую предпосылку междисциплинарности. Подобно тому как сама риторика родилась из обобщения и нормативного описания ораторской практики абсолютно во всех сферах публичной жизни – судебной, политической, литературной, ритуально-бытовой и религиозно-сакральной, – риторический метаязык, претендующий на роль новой модели описания языка наук(и), художественных и социальных практик, был апробирован на всех дисциплинарных территориях. Замкнутость их специализаций была подвергнута серьезному пересмотру, и риторика как интерпретативная, объяснительная модель сыграла в XX – XXI веках такую же значимую роль, как семиотика, лингвистика и нарратология.

Примечательно, что все пережитые в прошлом веке «повороты» – лингвистический, нарративный, риторический – тесно друг с другом связаны, их «специалитеты» не разграничены: напротив, идея произвольности знака Ф. де Соссюра, концепция «языковых игр» Витгенштейна или гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа столь же влиятельны для семиотики, сколь

для лингвистики или неориторики, а мысль о метафоре как матрице мышления одинаково принадлежит всем перечисленным лингвоориентированным парадигмам [Лакофф; Теория метафоры]. Наглядна в этом смысле карьера Р. Барта 1950 – 1980-х гг., использовавшего, в зависимости от проблемного ракурса, *риторический*, *семиологический*, *лингвистический*, *поэтологический* метаязык, нередко – в пределах одной работы (Ср.: «Риторика образа», «Мифологии», «Удовольствие от текста» и др.). Даже опыт методологического пуризма во «Введении в структурный анализ повествовательных текстов» [Барт] не был таким уж пуристским, учитывая, что на поэтику экстраполировались лингвистические категории, а стремление создать универсальную модель описания нарративов подпитывалось риторической картиной мира, столь органично укоренившейся во французской культуре, наследнице греко-латинской классики (подобный опыт предпринял и Ц. Тодоров в «Грамматике “Декамерона”», 1969). «Универсальность повествования» [Барт, с. 196] диктовала, с одной стороны, нормативную модель описания, с другой стороны, необозримую жанровую широту материала. «Не перечислить всех существующих на свете повествований, – читаем у Р. Барта. – Прежде всего изумляет само многообразие повествовательных жанров, которые, в свою очередь, способны воплощаться в самых различных субстанциях, так,

словно для человека годится любой материал и он готов вверить ему свои истории: повествовать можно на естественном языке, как письменном, так и устном, можно повествовать при помощи движущихся или неподвижных изображений, можно прибегнуть для этого к языку жестов, а можно и синтезировать все эти субстанции; повествует миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история, трагедия, драма, комедия, пантомима, живописное полотно (вспомним св. Урсулу Карпаччо), витраж, кинематограф, комикс, газетная хроника, бытовой разговор» [Барт, с. 196].

В нашем эскизном обзоре риторика концептуализируется и как «подход к объяснению действительности» (С.С. Аверинцев), и как западный культурный проект, претендующий на роль описательной системы вторичных знаковых систем, т. е. на роль метаязыка. Определяющими здесь становятся способность риторики к фреймизации и презумпция рациональности субъекта языка, выбирающего из набора средств те, которые наиболее успешно реализуют его интенцию.

У отечественного филолога, когда речь заходит о риторике, срабатывают как минимум три локальные ассоциации.

Классическая риторика – по-прежнему актуальная практика анализа и порождения текстов разных жанров, особенно тех, что у нас относят к «риторической эпохе» [Михайлов, с. 112–175], от античности до класси-

цизма. Судя по публикуемому Институтом лингвистических исследований РАН с 1998 г. ежегоднику «Индоевропейское языкознание и классическая филология», точка в исследовании «риторической эпохи» не поставлена, материал пополняется: наряду с древнегреческими закланиями, сравнениями в «Энеиде» или аспектами русских риторик XVIII в. изучаются тексты древнеиндийской и византийской письменной традиции, анализируются Септуагинта и древнеанглийские «поэмы Кэдмона»¹. Данное направление традиционно вписано у нас в лингвистический цех и нередко скрещивается с экспрессивной или функциональной стилистикой, а в последнее время и с прагмалингвистикой, хотя задачи и картины мира этих дисциплин все-таки различны². Учитывая интерес современной гуманитаристики к методологическим поискам, ревизия и перечитывание именно классических текстов по риторике обретает форму дискурс-анализа. Так, Р.Б. Галанин в своей монографии [Галанин] выдвигает на первый план самые значимые для постмодерна фигуры античности – Протагора и Горгия, софистов, противопоставивших скептическое слово и принципу «точности» Аристотеля, и платоновскому критерию «истины». В сущности, софистика предстает одновременно

¹ См., в частности, 19-й выпуск ежегодника «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (2015): [Материалы девятнадцатых чтений].

² Об этой проблематике см.: [Хазагеров].

и как философия, с собственными «эпистемологическими, этическими и онтологическими составляющими», и как особая дискурсивная формация – «философский дискурс», степень «риторичности» которых вскрывает автор книги [Галанин, с. 4–8]. Обращение к собственно дискурсивным параметрам софистики, несомненно, не было бы возможным без лингвистического поворота.

Риторика как историко-типологическая модель культуры – изобретение, созданное в 1970 – 1990 гг. коллективными усилиями А.В. Михайлова, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, Д.С. Лихачева. Этикетность, установка на «готовое слово», «канонически определенное и утвержденное», составляет суть «риторической культуры» [Михайлов, с. 117–118], длившейся от Аристотеля до начала XIX столетия, пока романтическое миропонимание не взорвало нормативную модель речи и письма. Пестрота речевого опыта, с одной стороны, нормативное описание – с другой: именно в границах этих параметров работает риторическая культура. С.С. Аверинцев пишет: «Общее место – инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обозримой для рассудка. <...> Вся античная культура воспитывала вкус к общим местам» [Аверинцев, с. 159]. Античные истоки этой культуры он иллюстрирует, в частности, эпическим описанием битвы у Либания:

У этого рука отторгается, у того же око исторгается; сей простерт, пораженный в пах, оному же некто разверз чрево... Некто, умертвив того-то, снимал с навшего доспехи, и некто, приметив его за этим делом, сразив, поверг на труп; а самого этого – еще новый. Один умер, убив многих, а другой – немногих...», – и так далее, и тому подобное.

*...Ведь какую битву описывает Либаний? Сражаются не ахейцы с троянцами, не греки с персами, не афиняне с лакедемонянами, вообще не «свои» с «чужими», не герои, имеющие какое-то имя и происхождение, какие-то свойства и цели. Сражаются «имяреки», абстрактные, как точки А и Б в геометрии, как *икс* и *изрек* в алгебре, как *Кай* из школьного примера по логике, цитируемого у Толстого в «Смерти Ивана Ильича»: «Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен». Один воин умерщвлен, умертвив многих воинов, – чисто количественный характер этой формулы роднит ее с истинами типа: «целое больше части». Наиболее часто повторяющееся, переходящее из фразы в фразу слово – «некто», т.с.*

«Некто» лишает жизни «того-то», «сей» – «оного». Эти ситуации битвы очень сознательно и последовательно увидены не как однажды бывшие или могшие быть случаи, но как бесконечно воспроизводимые положения; словно в учебнике логики, положения эти очищены от своих «акциденций» (случайных признаков), т. е. по-нашему от всякой конкретности, и сведены к своим необходимым признакам, к универсальным схемам – к «общим местам». В нашем лексиконе «общее место» (греч. κοινός τόπος) – выражение сугубо нелестное [Аверинцев, с. 158–159].

«Дух отвлеченного умственного эксперимента», – заключает С.С. Аверинцев, – движет воображением писателя-ритора.

Риторика как метаязык, несомненно, функционировала на протяжении всей традиционалистской эпохи (IV в. до н.э. – конец XVIII в.). Поэтики, от Горация до Буало и Ломоносова, сохраняют риторический идеал нормативности, схоластика воплощает риторическую модель текста, в эпоху барокко пишутся риторико-музыковедческие трактаты¹, прослеживается связь риторики и архитектуры, риторики и академической живописи.

С нормативно-универсалистским мышлением риторической эпохи, испытавший первый основательный кризис на рубеже XVIII – XIX веков, вступает в конфликт мышление буржуазно-индивидуалистическое: в русской литературной практике и критике это противостояние обозначилось как противостояние «искусственного» и «естественного» (ср. неориторическую концепцию Р. Лахманн [Лахманн]), индивидуального и абстрактно-всеобщего. С.С. Аверинцев демонстрирует это противостояние на примере повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», словно призванной показать бессилие общих мест перед непостижимой экзистенциальной глубиной индивидуальной жизни, извлекая из нее знаменитый силлогизм о смертности Кая-человека из учебника логики:

¹ О связи барочной музыки и риторики см.: [Друскин; Захарова].

То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, с кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня? Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуришал шелк складок платья матери?..».

Эта цитата стоит против цитаты из Либанья, отмечая какой-то противоположный полюс. «Совершенно особенное от всех других существо», конкретнейший запах кожаного мячика – историко-культурная антитеза риторическому «некто», тис, призванному обозначать как раз «вообще человек» [Аверинцев, с. 159–160].

Данная парадигма оказалась жизнеспособной в историко- и теоретико-литературных студиях, поскольку выявила нормативные структуры всякого жанрового мышления (жанрология) и всякого текста, генерируемого с оглядкой на уже «готовое» слово Другого. И если литература романтиков, реалистов и модернистов меньше всего давала поводов для риторических исследований в таком понимании, интертекстуальное мышление постмодернизма вернее всего отвечало модели литературы как работы с жанровыми и стилевыми клише.

Третья ассоциация ведет нас к пониманию риторики в русле «общей теории высказыва-

ний», описывающей «коммуникативное взаимодействие людей» [Тюпа, с. 7]. Такая риторика воскрешается в 1960 – 1980 гг. «на семиотическом фундаменте» [там же]. В России на пути к «общей риторике»¹ двигались, несомненно, Ю.М. Лотман и М.М. Бахтин, однако терминологически «риторика» так и не стала единым парадигматическим понятием: Лотман разрабатывал «семиосферу культуры», Бахтин – «теорию речевых жанров». Так или иначе, именно это направление подготовило почву для включения отечественных гуманитарных наук в международные дискурсивные, коммуникативные исследования рубежа XX – XXI вв.² Сегодня активно осваиваются такие сферы, как медиариторика, политическая лингвистика.

Наброшенные здесь терминологические ассоциации иллюстрируют то обстоятельство, что, в отличие, например, от американской гуманитаристики, риторика у нас не приобрела статуса генерализующей дисциплины, объединяющей исследования коммуникативных, речевых (креативных и рецептивных)

¹ На стыке нарратологии, семиотики и риторики создаются в начале 1970-х гг. свою знаменитую «общую риторику» представители бельгийской исследовательской школы «*u*» из Льежского университета: *Общая риторика*: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон. М.: Прогресс, 1986.

² Здесь показательна издательская политика таких постсоветских журналов, как «Логос», «Новое литературное обозрение», «Современный дискурс-анализ», «Политическая лингвистика».

практик во всех без исключения сферах – от повседневного оффлайн- и онлайн-общения до языка естественных наук и компьютерных программ. Вряд ли можно говорить и о «риторическом повороте» в применении к академической ситуации России: пожалуй, роль метаязыка на закате советской культуры и до конца 1990-х гг. все-таки взяла на себя семиотика, а не риторика (при решающем влиянии тартуской школы).

Тем интереснее рассмотреть «чужие» эпистемологические модели риторики, обладающие специфическим отличием: последнее коренится в базовой методологической и институциональной роли риторики³, которая закреплена в европейской и американской школьной, университетской культуре. Истоки неориторики, с одной стороны, можно усмотреть в прагматическом ресурсе этой дисциплины, дающей язык описания для любых аргументативных стратегий и тактик. С другой стороны, риторизация описаний речевых практик восходит к лингвистическому скептицизму XX столетия (вспомним ироничную реплику Р. Рорти: «языки дела-

³ Упование на риторику как «королеву гуманитарных наук», «метанауку культуры», «общую теорию дискурса» отчетливо сформулировано, например, в статье о роли риторического поворота в гуманитарных науках: Gaonkar D.P. *Rhetoric and Its Double: Reflections on the Rhetorical Turn in the Human Sciences* // *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / Ed. by Herbert W. Simons. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. P. 361.

ются, а не находятся... истина является свойством лингвистических формообразований, предложений» [Порти, с. 27]).

Во второй половине XX века в ситуации поиска нового универсального языка, способного охватить разные дисциплинарные области – как в культурных практиках, так и в академической науке, – риторика возвращается. Дж. Берлин, автор одного из популярных в США пособий по истории риторики, пишет о «возрождении риторики» в 1960–1970 гг., в первую очередь как университетской дисциплины, обучающей практикам письма, самопрезентации, освоению жанровых и стилистических образцов (“writing instruction”, “composition instruction”) [Berlin, p. 120–122]. Вообще прагматическое понимание риторики отличает американскую гуманитаристику: именно оно обеспечило сегодня функционирование риторики как метаязыка в цифровой гуманитаристике [Rhetoric and the Digital Humanities].

Поиски гуманитарного метаязыка идут в направлениях, смежных с уже упомянутыми семиотикой (или семиологией), нарратологией, паралингвистикой (вспомним опыты экстраполяции лингвистических методов на литературоведение [Барт], поэтику кино, рекламы и театра [Общая риторика]).

Риторический поворот (rhetorical turn) в западной методологии науки в целом связан с актуализацией эвристической, проблематизирующей модели познания, осознани-

ем «убеждающей» (в античном смысле слова) и «тропеической» природы научного дискурса [Brown; Cecarelli; Fahnestock; The Rhetorical Turn; Макклоски; Силантьев; Теория метафоры]. Выявилась и занятная закономерность: в применении к областям креативным, связанным с иррациональным, интуитивным мышлением (литература, искусство) неориторика актуализировала рациональное (творческий акт видится как сознательное моделирование определенного коммуникативного эффекта: так организована нарративная риторика У. Бута [Booth], отчасти – П. де Мана [Ман]). Что же касается применения риторической модели в объяснении языка науки, особенно востребованными инструментами из риторического арсенала, как можно догадаться, оказались отнюдь не аргументы к логосу и даже не система общих мест, которую можно соотнести с современным понятием «паттернов», «фреймов», «фреймизацией», а диспозиция и элокуция – т. е. устройство собственно дискурсивного слоя эффективно воздействующей речи. Фигуры и тропы стали базовым арсеналом риторического метаязыка (Х. Перельман, Х. Уайт, Д. Макклоски, Г. Симонс). Эта разнонаправленность в освоении риторики как метаязыка связана, по видимости, с оценкой рационального и иррационального в познании. И проблема эта куда старше неориторики.

Аристотель ставил в один ряд риторику и «диалектику» как метод отыскания исти-

ны в рассуждении и размышлении. В европейской культуре парадигма критики языка (Sprachkritik) восходит к Ницше, провозгласившему еще в 1870-х гг. метафоричность всех антропологических моделей «истины» (и закавычившего *истину* и *ложь* задолго до Лиотара, Фуко и Деррида). Ницше связывал язык понятий со способностью интеллекта выявлять общее вопреки различиям, пренебречь «индивидуальным и действительным». Вывод Ницше известен: «Итак, что такое истина? Движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными: истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы» [Ницше, с. 362–363]. Риторизация эпистем, сведение социальных практик к «языковым играм» оказалось возможным благодаря подготовительной критической работе с языком у Л. Витгенштейна, Ф. Маутнера, К. Крауса, впоследствии радикально осуществленной постструктуралистами.

Рамки риторической модели оказались существенно расширенными в экспериментах по толкованию естественнонаучных текстов, а некогда непроходимая граница между *науками о природе* и *науками о духе* – стертой. Так, Т. Браун, химик, применяет философско-лингвистическую модель метафоры Лакоффа – Джонсона к интерпретации

научного языка химии. Филолог И. Силантьев, на русском материале анализируя концептуальную (онтологическую) метафору в математике (а далее и в физике, биологии, медицине, экономике), особенно выделяет «антропный принцип»: «Человек в его самых разных индивидуально-психологических, социальных и бытовых проявлениях является центром и осью мира математических метафор» [Силантьев, с. 201]. В качестве примеров он разбирает такие математические метафоры, как «ребро графа», «фазовый портрет системы», «образ элемента», «гладкая граница, гладкая функция», «мягкое условие», «грубая оценка», «жесткое условие», «скачок функции, скачки случайного блуждания» и др. Анализ других научных дискурсов дает не менее наглядные результаты, обнажая фигурально-тропеический генезис научного понятия и подтверждая прозрения Ницше.

В западных и российских работах 1960 – 2000 гг. нет единого мнения ни о границах применения риторики (точнее, эти границы размыты), ни о точном объеме и содержании понятия. Актуализируются, в зависимости от парадигмы и задач исследователя, школы, то общие места, то теория риторической аргументации, то законы диспозиции, в особенности же превалирует интерес к элокуции, а еще точнее – к механизмам рождения, функционирования и рецепции метафоры и отдельных тропов (метонимия, аллегория, ирония). В ряде западных литературовед-

ческих исследований происходит подмена поэтики риторикой (П. де Ман, У. Бут, Р. Лахманн и др.). В рамках строгой риторической модели, как показал опыт XX века, может быть описана разве что нормативная или антинормативная поэтика (авангард): кстати, здесь одновременно подходит материал классицизма, средневековой литературы, но также и всякой стереотипной продукции (именно на риторической модели текста основана американская дисциплина *creative writing* – на убеждении, что через систему общих мест, композиционных приемов, фигур и тропов можно создать искомый тип текста).

Напротив, поэтики с сильной степенью индивидуальности противостоят «нормативизации», формульности, «готовым» жанровым схемам (романтизм, реализм, модернизм). Однако, как верно заметил Ф. Моретти, анализируя границы и перспективы «количественного литературоведения», хотя подсчет слов и языковых структур несколько уводит нас от «смысла», герменевтического целого, которое всегда было целью постижения литературы, но дает взамен понимание связи «формы», «распределения» повторяющихся элементов и образуемых их взаимосвязью «паттернов» [Моретти, с. 336–338].

Постмодернизм занимает парадоксальную позицию: сформировавшись на руинах модернизма, на его идее невозможности порядка, разрушения референциальных связей знака, постмодернистский тест проявил осо-

бую тягу к общим местам: вся мировая история литературы предстает как каталог (стилей, модальностей, приемов, цитат наконец). При этом категория уместности явно выходит на первый план.

Возвращение риторики во второй половине XX века видится симптоматичным ввиду возросшей хаосомности мира, его децентрации, кризиса «великих нарративов» [Лиотар], переустройства коммуникации в массовой и интернет-культуре. И если в дисциплинарном поле филологии неориторика ищет новую рациональность, моделируя коммуникацию *автор / читатель* в рамках модели *ожидаемая норма / нарушение нормы* (У. Бут), то в истолковании дискурсов науки риторика становится инструментом разоблачения «художественности», иносказательности, метафоричности, имманентно присущей всякому познанию.

Сама «риторика» являет собой в итоге метафору.

Ее амбивалентную рационально-иррациональную природу лучше всего выразили постструктуралисты. Так, П. де Ман в «Аллегориях чтения», берясь за интерпретацию поэтик, традиционно воспринимаемых как интуитивно-индивидуалистические (Руссо, Пруст, Рильке), обозначает «литературность» как бытование «самого строгого и, следовательно, самого ненадежного языка, при помощи которого человек называет и изменяет себя» [Ман, с. 29]. И то, что се-

годня появляются коллективные исследования, содержащие опыт риторической систематизации новой знаковой, дискурсивной реальности академического знания (digital humanities), снова демонстрирует методологическую «нехватку», которую может и пытается восполнить риторика.

Литература

Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 158–190.

Аристотель. Риторика // Античные риторики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ «Прогресс», 2000. С. 196–238.

Галанин Р.Б. Риторика Протагора и Горгия. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

Друскин Я.С. О риторических приемах в музыке Баха. СПб.: Северный олень, 1995.

Захарова О.И. Риторика и западно-европейская музыка XVII – первой половины XVIII в.: принципы, приемы. М.: Музыка, 1983.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб.: Академический проект, 2001.

Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматкова. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд-е / Пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. переводов Д. Расков. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара: Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.

Ман П. де. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста: пер. с англ. / Пер., примеч., послесл. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.

Материалы девятнадцатых чтений памяти И.М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX» / Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2015.

Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.

Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. перевода И. Кушнарера. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как

философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Пер. с нем. Мн.: Харвест, 2003.

Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон. М.: Прогресс, 1986.

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Силантьев И. Семантика метафоры в языке науки // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 200–212.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.

Тюна В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса: «Архиерей» А.П. Чехова. Тверь: Тверской госуниверситет, 2001.

Хазазеров Г.Г. Коммуникативные дисциплины: хаос или система? // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.khazagerov.com/pragmatica/133-communicationssubjects.html>.

Berlin, J.A. Rhetoric and Reality: Writing Instructions in American Colleges, 1900–1985. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987.

Booth, W. The Rhetoric of Fiction. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

Brown, Th.L. Making Truth. Metaphor in Science. Urbana: University of Illinois Press, 2003.

Ceccarelli, L. Shaping Science with Rhetoric: The Case of Dobzhansky, Schrödinger, and Wilson. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Fahnestock, J. Rhetorical Figures in Science. NY: Oxford University Press, 1999.

Gaonkar, D.P. Rhetoric and Its Double: Reflections on the Rhetorical Turn in the Human Sciences // The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / Ed. by Herbert W. Simons. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1990.

Rhetoric and the Digital Humanities / Ed. by Jim Ridolfo and William Hart-Davidson. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2015.

The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / Ed. by Herbert W. Simons. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1990.

References

Averintcev, S.S. (1996). Ritorika kak podhod k obobsheniyu deystvitelnosti [Rhetoric as Approach to Reality Generalization]. In: Ritorika I istoki yevropeyskoi traditsii [Rhetoric and Genesis of the European Tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 158–190.

Avelichev, A.K. (Ed.). (1986). Obshaya ritorika [General Rhetoric]. Moscow: Progress.

Arutyunova, N.D., Zhurinskaya, M.A. (Eds.). (1990). Teoriya metafory [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress.

Aristotel. (1978). Ritorika [Rhetoric]. In:

A. Takho-Godi (Ed.), *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetorics]. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 15–164.

Bart, R. (2000). *Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatelnykh tekstov* [An Introduction to the Structural Analysis of Narrative]. In: G.K. Kosikova (Trans.). *Frantsuzskaya semiotika* [French Semiotics]. Moscow: Progress, pp. 196–238.

Berlin, J.A. (1987). *Rhetoric and Reality: Writing Instructions in American Colleges, 1900–1985*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Booth, W. (1967). *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: University of Chicago Press.

Brown, Th.L. (2003). *Making Truth. Metaphor in Science*. Urbana: University of Illinois Press.

Ceccarelli, L. (2001). *Shaping Science with Rhetoric: The Case of Dobzhansky, Schrödinger, and Wilson*. Chicago: University of Chicago Press.

Druskin, Y.S. (1995). *O ritoricheskikh priyomakh v muzyke Baha* [On the Rhetorical Devices in Bach's Music]. Saint Petersburg: Severnyy olen.

Fahnestock, J. (1999). *Rhetorical Figures in Science*. NY: Oxford University Press.

Galanin, R.B. (2016). *Ritorika Gorgiya I Protagora* [Rhetoric of Gorgias and Protagoras]. Saint Petersburg: RHGA Publ.

Gaonkar, D.P. (1990). *Rhetoric and Its Double: Reflections on the Rhetorical Turn in the Human Sciences*. In: Herbert W. Simons (Ed.), *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the*

Conduct of Inquiry. Chicago: The University of Chicago Press.

Hazagerov, G.G. (n.d.). *Kommunikativnye diszipliny: haos ili sistema?* [Communication Academic Disciplines: Chaos or System]. Available from: <http://www.khazagerov.com/pragmatica/133-communicationssubjects.html> (date of access: 10.05.2016).

Lahmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya* [Destruction of the Eloquence]. Saint Petersburg: Akademicheskii proyekt.

Lakoff, D., Dzhonson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhyvyom* [Metaphors We Live By]. Moscow: Editorial USSR.

Liotar, Zh.F. (1998). *Sosotoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Saint Petersburg: Aleteyya.

Makkloski, D. (2015). *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [The Rhetoric of Economics]. Saint Petersburg: Mezhdunarodnyye otnosheniya.

Man, P. de. (1999). *Allegorii chteniya: figuralnyi yazyk Russo, Nizshe, Rilke i Prusta* [Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust] Yekaterinburg: Urals University Publ.

Materialy 19-h chneniy pamyati I.M. Tronskogo "Indoevropeyskoye yazykoznanie I klassicheskaya filologiya [Selected Articles of the 19th Conference in Tronsky Memory: "Indo-European Linguistics and Classical Philology"]. (2015). Saint Petersburg: Nauka.

Mihailov, A.V. (1997). *Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoi epohi* [Baroque Poetics: The

End of the Rhetorical Age]. In: *Yazyki kultury* [Cultural Discourses] Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 112–175.

Moretti, F. (2016). *Dalnee chtenie* [Distant Reading]. Moscow: Gaydar Publ.

Nizshe, F. (2003). *O polze I wrede istorii dlya zhizni* [On the Advantage and Disadvantage of History for Life]. Minsk: Harwest.

Ridolfo, J., Hart-Davidson, W. (Eds.). (2015). *Rhetoric and the Digital Humanities*. Chicago: The University of Chicago Press.

Rorti, R. (1996). *Sluchainost, ironia I solidarnost* [Contingency, Irony, and Solidarity]. Moscow: Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo.

Silantyev, I. (2012). *Semantika metafoty v yazyke nauki* [Semantics of the Metaphor in the Science Discourse]. In: *Kritika i semiotika* [Cri-

ticism and Semiotics], 17, pp. 200–212.

Simons, H.W. (Ed.). (1990). *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. Chicago: The University of Chicago Press.

Sossyur, F. de. (2004). *Kurs obshey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow: Editorial USSR.

Tyupa, V.I. (2001). *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* [Narratology as an Analysis of the Narrative Discourse]. Tver: Tver State University.

Zaharova, O.I. (1983). *Ritorika I zapadnoyevropeyskaya muzyka 17 – pervoi poloviny 18 veka* [Rhetoric and the European Music of the XVII – the first half XVIIIth cent.]. Moscow: Muzyka.

**RHETORIC PROJECT OF THE SECOND PART
OF XXth THE BEGINNING OF XXI cent.**

Vera V. Kotelevskaya, PhD, Assistant Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don;
e-mail: luga17@rambler.ru.

Abstract. The paper explores the rhetoric project of the second part of the XX \ the beginning of XXI centuries from the perspective of the evolution of its methodological premises.

The “Rhetoric project” is viewed as an open territory of ideas, which has been developing in American, European and Russian humanities of the given period as a reaction to crises of traditional description models and a systematic search for new universal metalanguage.

Having inherited from Antic and Medieval scholastics a rigid hierarchy of terminology, which let rhetoric interpret genealogy, effect and reception of texts of different styles and genres, it is seen by various researchers as a universal generative and hermeneutic theory of texts.

In American academic culture, rhetoric is widely used in the broad field of teaching writing skills (composition, creative writing, computers and writing), and foregrounds discourse analyses, including rhetoric of science. By 1990–2000 it had become a tool of systematization for digital humanities.

In European humanities of 1960–1980 inside structural and semiotic paradigms, a new rhetoric (or general rhetoric) was developed, claiming to provide tools for interpretations of various narratives and media. If in 1950–1960 we can observe a neopositivist use of rhetoric as a way to systematic objectivist description of texts, in later poststructuralist scholarship rhetoric weaponry is aimed at deconstruction of genre, stylistic, and ideological structures.

In Russian philology, rhetoric reveals its cultural and typological potency and methodological grounds for discourse criticism in media rhetoric and political linguistics.

The paper demonstrates the main trends in contemporary goals.

Key words: new rhetoric, normative poetics, rhetorical age, rhetorical turn, semiotics, digital humanities.

